

Владимир Партолин

Сашок

16+

Владимир Иванович Партолин

Сашок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67691397

SelfPub; 2022

Аннотация

О жизни белорусской глубинки после ВОВ; летательных аппаратах III Рейха; судьбах героев в перестроечные годы.

Владимир Партолин

Сашок

Ожидая к подъезду машину, Василий Иванович Паранин курил у окна и перекладывал на подоконнике лист писчей бумаги. Вчера утром, заселяясь в квартиру, в кабинетке – отремонтированной, пустой без мебели – обнаружил за занавеской. Сойдя на своей станции, добравшись до дому, он, переодевшись в пижаму из чемодана, готов был завалиться в раскладушку и проспаться, наконец, за день после четырёх беспокойных суток в вагоне. После вечером планировал съездить за родителями, сошедшими с поезда остановкой раньше и встреченными маминой сестрой. Но прежде захотелось подымить в форточку. Открывал, в глаза бросились за шторой написанные красным плакатом прямо поперёк текста слова: «Помнишь Сойку»? Теперь вот дымил в трепетном волнении и раз за разом перечитывал текст.

В четвёртый день рождения тебе подарили юлу, но запомнились те именины, должно быть, и по другому событию. Шёл 1950-тый год. В хате бабушка Вера, ты четырёхлетний карапуз, да твой дядька Сашок, двенадцатилетний мальчишка. Тем поздним вечером бушевала гроза, потому Бабушка не давала сыну и внуку заснуть – боялась, крыша соломой крытая загорится, пока не намокнет. Пятистенок за лето возвели, перегородку поставили, пол настелили в светлице, да

в передней у печки от входной двери начали. Окна не все остеклили, а уже перенесли пожитки из старой наполовину сгоревшей избы.

Тебе страшно. Казалось, вот отворится дверь, и покажутся вдруг из сеней три головы Змея Горыныча. Дядька Сашок всё подначивал, уплетая за столом кулеш. А появилась Мушка – корова, она с конца зимы болела, потому бабушка привела на ночь из ветхого сарая в сени, переждать непогоду. Напуганная громом скотина метнулась из сеней в дверь. Напрочь снеся её, споткнулась с порога, упала и, подняв рогом доску, свалилась между лагами на землю подполья. Другим рогом, сломанным и в крови, проделала в дереве борозды по рисункам, тем, что ты намазюкал печным углём по тёсу. Трубно замычав, взбрыкнула и судорожно вытянулась.

Переполошенная, бабушка сбегала за соседским дедом Лухмеем, и тот кувалдой оглушил и после прирезал Мушку немецким штыком – успели. Сашок сгонял по деревне, просил помочь. Собрались бабушкины подруги, приковылял одноногий бригадир Нахимов. Тушу подняли на струганные половицы и освежевали. После ты обходил стороной то место и на лагах больше углём не рисовал. Управились, женщины ушли досыпать, увели деда Лухмея. Остался Нахимов, бывший морской пехотинец, ныне ветеран минувшей войны, инвалид, у председателя колхоза первый помощник на подхвате. С ним его племянник Вован, ленинградский блокадник, Сашка погодок. После госпиталя Нахимов, Севасто-

польский моряк, «бросил якорь» в белорусской деревушке, был, по словам тётки Авдотьи, председателиши его соблазвившей в примаки, единственным на все Голубицы трудоспособным мужиком.

За столом бабушка только пригубила чуть самогонки, после Нахимов наливал одному себе. Мальчишки же пили квас на хлебных корках и налегали на варёные говяжьи мослы.

Пьяный, бригадир ругал доярок. Особо доставалось подругам Клавкам: «Спят, итиихумать, и тягают сиськи мимо ведра». Незлобно ругал, но с угрозой: «Я с этих стерлядей – не бросят бегать на танцы в Дом офицеров – сам стружку сгоню». И бабушку стерлядью обозвал – за то, что в стакан не до краёв наливала. Сашок на то подхватился с места, бросил кость в чугунок и вышел во двор. За пуней сидел, где с зимы покуривал махорку из кисета, утерянного дедом Лухмеем.

Вован, отложив ложку, в которую выбивал «мозг» из костей, потребовал:

– Пойдём, тётя Авдотья заругает.

– Бражки опрокину и поплывём до дому, малец, – пообещал и взъерошил Нахимов чуб племяннику. – Вот посмотри, Верка, на этот протез. Говно! Культяшку в кровь стираю, а мозоли обещали! Кончилась горелка, неси бражку. Нет! Стерлядь ты, стерлядь и есть.

Ни в какую не согласившись сесть за стол, в рот не взяв ни кусочка мяса принесённого тебе в постель бабушкой, ты уснул. Но скоро разбудил шум из передней: Нахимова под-

нимали, тот, заклевав носом, навернулся с лавки.

Перепуганный, ты позвал бабушку. И вдруг, подхватился и встал в кровати на ноги. Глазки зажмурил, ручкой указывал на зеркало и дрожащими губками твердил:

– Горыныч. Горыныч.

Бабушка успокаивала, прижала ротиком к себе в шею и допытывалась:

– Васятка, детка, внучок, да что случилось такого? В зеркале что усмотрел?

Всхлипывая, ты рассказал. В зеркале, висевшем на перегородке газетами оклеенной, отразилось в сполохе окно, единственное из шести в хате не забранное досками, остеклённое. А в окне – далеко на горизонте с горой, за пересохшей речкой Сойкой с бревенчатым мостом, только до которого тебе малышу и разрешалось бегать погулять, с запретом перейти на другой берег и подняться к строениям молокозавода, взорванного в войну – промелькнул Змей Горыныч. Летел по небу и сел под молниями в развалины.

Успокоил Сашок, уложил под одеяло, сам прилёг на краю кровати.

– Да не Горыныч то был, в грозу он не летает, – убеждал тебя дядька. – Крылья у гада непромокаемые, как у твоего папаньки офицерский плащ, но боится Змей в гром от молний загорятся. Крылья-то перепончатые, как у уток лапки. Засыпай, малёк.

Бабушка хлопотала у печи, Нахимов и Вован перебрались в светлицу, сидели у окна. Протрезвевший бригадир курил.

– Парашюты. Должно быть, учения... ночные. На Бельское озеро садятся. В Борках пополнение: к танковому десантный полк стал... А слетайте, пацанва, на гору к руинам, поглядите с близости. Сдаётся, светится там что-то, а скоро дояркам мимо на ферму идти. Может, какой парашют ветром занесло, Васятка и принял за Горыныча.

– К Авдотье свернёте, две пачки соли пусть даст, – попросила из передней бабушка. – Вовка, не возвращайся, дядьку к деду Лухмею прогоню. До дому идти нашего моряка не допросишься, когда знает, что этот брехун брагу намедни укрыв.

Под утро уже, Сашок к тебе спать с бочка пристраивался, ты проснулся:

– Дрожишь.

– Нахимова к деду Лухмею под дождём волок, после в погребу бабушке помогал мясо солить.

Шептались:

– Всё ещё веришь в то, что в развалины сел Змей Горыныч?

– Я так подумал, а то был... Нахимов говорил... парашют.

– А парашютиста видел?

– Парашютиста?.. Один парашют. Чёрный. Страшный такой.

Сашок поднялся, прошлёпал к печи за угольком, спрыг-

нул с настила на земляной пол и вытер с тёса твой рисунок "хата с бабой Верой и коровой Мушкой".

– А шлёпай сюда, нарисуй... Трусись?

– Нет. Зачем рисовать, вот таким был, – указал ты на юлу, сброшенную с подушки на пол в момент, когда напугался увиденным в окне. – Только без ручки.

– Эх, малёк, парашютистов ты не видал, – чёркал Сашок углём по тёсу. – Купол не чёрный, а белый. Небо за молокозаводом закатное, без туч, вот потому купол и видится чёрным. Со стропами... такими вот. Парашютиста, говоришь, не заметил... Выходит неправ Нахимов... Горыныч то был. У-ууу.

– А говорил, в грозу не летает, – обидевшись, нырнул ты с головой под одеяло.

– Самый главный и страшный – с пятью головами – тот летает. Приземлялся к тебе боком, потому крыльев ты и не различил.

– А головы? Их пять?

– В себя втянул, как твоя черепашка, чтобы шеи об разбитые острые кирпичи не поранить.

– А хвост? Не было хвоста.

– Ясно дело, поджал под себя... как деда Лухмея Дружок, когда трусит. На хвост Горыныч и сел.

– Ты с Вованом бегал, сидит?

– Ну, ты даёшь. Он же змей, нора у него там. Заполз, и нет... Ладно, вру я. Про Змея Горыныча сказки рассказы-

ваю, чтобы засыпал поскорее. Тебе почудилось, в зеркале и не такое привидится. Спроси Клавок. Суженый. Ну, кто такой тебе рано знать.

– Правда?

– Спи. Бабушка управилась, погреб, слышишь, закрывает. Без сна на ферму пойдёт. А мне не вставать к выгону: нет у нас теперь Мушки, молокосос.

– Дай сюда юлу.

– Держи, – подал с пола дядька игрушку. – Про чёрный парашют забудь, засмеют.

И ты забыл. Но знаешь, сегодня достоверно известно, что в 30-40-ые годы Германия проводила интенсивные работы по созданию дискообразных летательных аппаратов с нетрадиционным способом создания подъёмной силы. Неспроста, должно быть, после войны в 50-тые годы юла была самой популярной игрушкой. Первые самые делали штампованными из металла и с красной или жёлтой по стыку двух конусов каймой – будто здесь огнями светится. А появились позже пластмассовые, те уже стали с явными фонарями и прожекторами, даже продавались с лампочками горевшими от батарейки.

Два лета подряд ты не гостил у бабушки в Голубицах. Одно проболел желтухой, другим – в солдатских лагерях пробыл. А осенью 52-го года собирались к отъезду: отца твоего

служить перевели в Дальневосточный округ. Попрощаться пришла бабушка, из города приехала тётя Лида с дочкой Натахой. Сашок из Голубиц не явился, болел. Пригласили соседей, молоденьких лейтенанта и жену его. Совсем ещё девочка, та не отпускала от себя близняшек, твоих сестёр. За столом бабушка рассказала, как разнесли руины молокозавода.

– Солдатики-сапёры борковские прибыли, учёные из Ленинграда наехали. Всё излазили. Объявили, мин и... этих... как их... всё забываю. А, а-но-малый. Аномалий нет. И началось. В два дня бы растащили, да кладка – ломом и с трёх замахов не сколешь. Нахимов и дед Лухмей прикатили дубовый чурбан с наковальней, хотели бетона из фундамента накрошить, да где там. А предупреждала, – повернулась бабушка к молодожёнам, – пупка не надрывать, знаю ту крепость, опалубницей поработала на той стройке, еще до войны. Немцы строили. Надёжно, как себе.

Сашка ругала:

– Ни кирпичика не взял. Сама наносила погреб обложить, так обменял в Белом на вагонку. Доска гнилая, а кирпич из Германии завезён, вечный.

Спустя четыре года Натаха под диктовку бабушки напишет: «А тебе, Васятка, детка, внучок мой любимый, дядька твой Саша привет передаёт. Говорит, "пламенный". Вырос он, Нахимова вот-вот перегонит, а я ему теперича и вовсе по

плечо только. Спрашивает, когда приедешь погостить». Дочери жаловалась: "Ох, Олюшка, донька, Саша от рук отбил-ся. Школу пропускает, ни с кем кроме Володьки не водит-ся. С мелиораторами дружбу завели, шляются у них днями и ночами в Заболотье, где те на постое. Боюсь, пить научат. В Голубицах их Нахимов отваживает, а там некому. Предсе-дательшу Авдотью не слушают, в сенокос и в копку бульбы пропадают из Голубиц. Тётке Лиде Саша грубит. Наташень-ку, она с отличием шестой класс закончила, забирает – в ки-но сходить в Белое с собой не берет».

В 57-мом году Наташа в письме сообщала: «Несчастье у нас, тётя Оля. Сашок с Вованом не заявили к ночи по до-мам. Никого не забеспокоило – привыкли, неделями ведь пропадали. Но я знала, где они и что случилось. Вован Са-ше и мне показал на молокозаводе расщелину между бетон-ными плитами, – ход там под землю – в которую он, один без нас, лазил. Попробовал и Сашок, но застрял, ни туда, ни сюда. Я сбегала за подмогой. Нахимов с дедом Лухмеем по-пытались было ту щель распереть чурбаном, так раскололся надвое, наковальня сорвалась и зашибла деда. Ховали его, друзья сбежали из Голубиц, пропадали всё лето. А на сорок дней по деду Лухмею приехал из Белого участковый мили-ционер Короткевич и сообщил, что беглецы нашлись. Жили в бору, в лесной заимке, далеко за Заболотьем. В той самой заимке, где до революции обитал лесник Прохор, а в тридца-тых до войны за лесом смотрел лесничий Прохор-младший

– супруг бабушкин, ваш, тётя Оля, и Сашка отец. Позавчера Саша вышел на каналы к мелиораторам, нёс на себе Володю. Обоих порвала рысь. Сашку в борковской полковой медсанчасти сделали операцию, Володю не спасли».

В 58-мом году Наташа написала: «Бабушка сообщать вам запретила, но сразу после Володиной смерти Саша очень изменился. Друзей нет, с одним Нахимовым знается. На танцах в клубе остаться было не допроситься, а теперь и в кино не дозовёшься. Лето по-прежнему у мелиораторов пропадает. От Нахимова приходит выпимшим. А в прошлые каникулы при мне с мамой бабушку стерлядью обозвал, за что Нахимов ударил его кулаком, сбил с ног. Саша поднялся и тоже с кулаками набросился. Грозился протез вырвать и спалить. Ушёл из дому на заимку, жил там одни. Нас убеждал, что у мелиораторов работал, помогал им, даже деньги какие-никакие заработал. Короткевич один не верил, но бригадир отбрёхивался, показывая разнарядки с фамилией Сашка. Всё равно Короткевич забирал, привозил домой, но тот снова сбегал. Бабушка извелась вся. А вчера, мы с мамой приехали, показала письмо, в нём Саша просил не беспокоиться – уехал жить и работать на целину.

В 87-мом, уже Лида сестре, прислала телеграмму: «Вернулся Саша приезжайте на лето». Тем же 87-мым сообщила: «Сашу осудили на три года избил Нахимова». И, наконец, в зиму 94-го известила: «Умер Саша не приезжайте похоронили». Эту телеграмму чуть не догнала другая: «Мама упо-

коилась но не приезжайте она просила».

На этом текст, распечатанный на обеих сторонах листа, прерывался.

Прикурив от сигареты, Паранин перечёл строки, написанные от руки на полях:

Ты не был на моих похоронах. А и хорошо: в гробу лежал не я. Мой отец. Немец. До войны он в Голубицах построил молокозавод(я на самом деле старше на два года). С 50-того года искал «Змея Горыныча» – того, что ты увидел в зеркале. Тайком и скрытно, конечно. Я с Вованом помогали. Нашли. Разобрали на части и утопили в укромных местах болот. Разных. Вован у нормировщицы – Натаха, помнишь, зря ревновала – выпытал, какие в бору не подлежат мелиорации, вот в этих и схоронили. Зимой по льду на дровках развозили – ночную темень и пургу, чтоб самим не отметить места, где проруби делали. С концами уничтожили мы «вертикальный самолёт» – опытный образец оружия возмездия III Рейха. НЛО.

Паранин взялся было за пачку «Мальборо», но та оказалась пустой. Скомкал и выбросил в форточку. Утвердился в случившемся: «Написано мне, несомненно, дядей Сашком».

К подъезду из-за угла бывшего солдатского клуба вернула «ауди», коротко просигналили...

* * *

Знаменитым художником, даже просто известным, Василий Николаевич Паранин так и не стал, бросил живопись и

работал сценографом в филармонии, а в перестроечные годы расписывал возрождавшиеся церкви, реставрировал иконы в алтарях. На этом поднялся: в городе неподалёку от военного городка, где служил отец, построил большой дом, в котором жил с семьёй и с семьями сестёр-близняшек. Вышел отец на пенсию, к себе звал, но мать запросилась вернуться в Беларусь, на родину, доживать в Борках. Сестра Лида звала, заверяла, что в военном городке с расформированием дивизии много жилья освободилось – квартиры в «досах» пустуют. Паранин отпустил с условием самому отвезти и обустроить стариков.

Ещё до переезда, отец с матерью ликовали: в Борках их помнили и сразу без проволочек выделили жильё. Позвонил им бывший сосед по квартире в пятидесятые, тот самый лейтенантик с молодой женой, что провожали в перевод отца на Дальний Восток. Теперь он подполковник в отставке, инвалид-афганец, начальник жилуправления военного городка с полупустыми «домами офицеров и сверхсрочников» и занятыми под склады казармами. Жильё родителям пообещал отвести в той же самой квартире, где соседствовали. Через неделю заказным письмом прислал ордер на заселение квартиры целиком: с тремя комнатами и кабинеткой смежной, кухней большущей и обширной прихожей с выходом на лестничную площадку. Такая роскошь, она небывалая в те пятидесятые, когда комнаты занимали разные семьи офицерские и сверхсрочников. «Дивизию в Перестройку расформирова-

ли – последствия. Вот, отремонтируйся, заселяйся, живи. Так нет, не дозовёшься городских очередников, не заселяют «досы». А они без жильцов ветшают, рушиться скоро начнут. Капремонт делать не за что», – печалился за «чашкой чая» подполковник в отставке. Встретил он Паранина на крыльце подъезда, боялся, не узнает на вокзале среди сошедших с поезда.

Заполучив обещание, отремонтировать квартиру и лестничную площадку заодно, он, опрокинув очередную «чашку чая», посетовал:

– Старею я, Василий Николаевич. Совсем сбросил со счетов, что сойдут с твоего поезда на станции от силы пять-шесть человек, и те офицеры и служивые пятидесятого полка. Тоже, как мой пятьдесят седьмой, вывели из дивизии, но оставили на месте, теперь уже в составе бригады. Их досы, помнишь, на отшибе городка, у берега озера Велье. Да-аа. Я ведь после Афганистана здесь дослуживал, тогда с поездов дальнего следования офицеры сходили и шли от станции по полкам табунами. Да-аа. Ну, давай, отсёрбнем «чайку» ещё по чуть-чуть, и похрамаю я до дому, к жёнушке своей ненаглядной, Афган снёсшей, будь он неладен. Сына пришлю, свезёт в деревню и утром завтра за родителями.

За дверью на лестничной площадке сокрушённо произнёс:

– А может, и не старею, просто тупею – от перестройки такой.

С шоссе на просёлочную дорогу не свернули – разбита тракторами, «ауди» не пройти. Выйдя из машины и поблагодарив сына подполковника, справившись по мобильнику, как отец с матерью переночевали у тёти Лиды, предупредив, что приезд за ними переносится на завтрашнее утро, Паранин пошёл напрямки по тропке через поле с озимыми. Миновал нежилые с заколоченными окнами хаты, пустовавшие подворья, давно заросшие расплодившимися ягодными кустами и диким малинником в бурьяне. Минуя растасканное до фундамента подворье бабушкиной хаты, вспомнил случай из далёкого детства. Бабушка Вера – без единой слезинки, с уголком платка у рта – наблюдала за дядькой Сашком. Тот орудовал топором – вырубал под корень яблони. Нахимов, обессиливший с похмелья, сидел поодаль на завалинке, растирал ладонями культяпку пристроенную на снятом протезе и выкрикивал: «Якорь тому лысому в дыхало! Верка! Стерлядь такая, дай, чем швартануться. Нет мочи».

Пересёк, теперь уже, должно быть, и в весну сухое, русло речки Сойки. Брёвна моста заменены железобетонными плитами. Ограждение из трубных стоек и перил местами срезано. Натаха писала, участковый Кораткевич застал ворьё за делом, бросился их гнать, но – без табельного пистолета тогда – был исполосован ножовками по металлу, от потери крови скончался. Уже тогда многие подворья в Голубицах пустовали, да и случилось всё поздней ночью, потому ни кто

в деревне не услышал. Были бы у кого собаки, так их нет: Дед Лухмей после как забили его Дружка, в маразм впадая, всех потравил. Сестра переживала, после Вована Короткевич занял её сердце, но безответно. На Натаху милиционер не заглядывался, молодой, видный в Бельском районе жених, он всё мыкался не решаясь какую из двух Клавок, известных на районе красавиц, певунь и танцорок, взять в жёны. Нахимов звал и обращался к младшему лейтенанту не иначе как: «Эй. Одна звезда, и та не во лбу». Короткевич обижался, грозился привлечь «за оскорбление при исполнении», но не привлекал, хотя задиристость инвалиду с рук не сошла: за брагу и выгон самогона штрафовал. И надо же случиться, получив наконец звание лейтенанта, Короткевич, добавив на погоны ещё по одной звёздочки, вёз в Голубицы Нахимову очередную повестку... смерть, нелепая на мосту, остановила. Хорошим Короткевич был парнем, все на районе уважали и любили. Нахимов рыдал на его похоронах и поминках, до кончины своей ухаживал за могилой.

Поднялся в гору. Здесь от руин молокозавода ничего не осталось. На вершине стоит теперь часовня. Небольшая, одноглавая. Ещё в лесах по фасаду. Сквозь вязь жердин и вагонки отблёскивает сусальным золотом купол. На крыльце трое пацанов под команды подвыпившего, видать, старика с орденом и медалями на телогрейке, ставят кумачовую растяжку «60 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ».

Поздоровавшись и прослушав в ответ ворчливое «Ходють

всякие, в шляпах с мобилами», Паранин ступил на крылечко и отворил арочную в резьбе дверь. Вошёл, зажмурившись от проникавших через окна лучей солнца.

Встретила Наташа:

– Поховали зимой. Письмо, что нашёл в кабинетке, надиктовал мне перед самой кончиной, но отправить запретил. Ты прочёл только отрывок. Объявился и нам с мамой во всём признался прошлой весной. Взял с нас обещание вам не отписывать. Ждал, приедете. Всё надеялся дожить и самому попросить прощения. Бабушка Вера всё знала, но держала в тайне... Стены клал один, своды навести и купол поднять мужиков окрестных просил, а расписать тебе завещал. Пройди, не стой на пороге.

В центре под куполом дощатый стол, на нём кисти и краски. В лучах света – юла. Она вертится. Замедляется. Заваливается на бока, бьётся каймой с потёртой наполовину краской о коробки с тубами. Вот уже чиркает по доске.

Пряча от сестры слёзы, раскрутил – успел.

©Владимир Партолин bobkyrt@mail.ru